

ДРУГАЯ МАТЕМАТИКА

18+

Камиль Абдулин

Другая математика

«Автор»

2026

Абдулин К.

Другая математика / К. Абдулин — «Автор», 2026

Их «другая математика» — это попытка построить отношения, где нет места ревности и запретам, только честность и принятие. Но сможет ли Карина быть счастливой, отдавая себя двоим? И что произойдёт, когда на горизонте появится Илья — человек из её прошлого, который любит её так же отчаянно, но совершенно иначе? Карина оказывается перед выбором между Ильёй и Набисом. Но, возможно, настоящая любовь не терпит деления, а ищет сложения и, возможно, узнает свой идеальный ответ в этой «другой математике».

© Абдулин К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.Новый сосед	5
Глава 2 Невидимое соседство	11
Глава 3 Неожиданная гость	17
Глава 4 Победить себя	27
Глава 5 Молитва тело	33
Глава 6 Молитва тело	39
Глава 7. Карина	41
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Камиль Абдулин

Другая математика

Глава 1. Новый сосед

Ванная, кухня и две небольшие комнаты, разделенные лишь тонкой гипсовой перегородкой — вот и всё их общее пространство. Правила здесь были суровые: Аким, серьезный и вечно занятый студент, не терпел шума и хаоса. Никакой музыки, никакого беспорядка — это условие не обсуждалось.

Дверь с легким скрипом распахнулась, и в прихожую вошел парень, поправляя лямку тяжелого рюкзака на плече. Сопровождавший его Маркус первым нарушил тишину, указывая на вошедшего.

— Аким, знакомься, это твой новый сосед, — уверенно произнес он.

— Привет, — негромко отозвался Набис, оглядывая свое новое жилище.

Аким медленно поднял взгляд и, не скрывая легкого раздражения, обратился к Маркусу. В его голосе чувствовалось разочарование от того, что всё решили без него. Он признался, что уже планировал позвать одного из своих однокурсников, но Маркус, как обычно, успел его опередить, поставив перед фактом. Теперь этим двоим предстояло уживаться за тонкой стеной, которая пропускала каждый шорох.

Набис вошел в комнату и замер. На столе сиротливо темнела чья-то забытая чашка, а на кровати белела измятая простыня, оставшаяся от прежнего жильца. От одного взгляда на нее Набису стало не по себе. Мысль о том, чтобы лечь на ткань, сохранившую тепло и следы чужого тела, вызвала почти физическое отвращение — простыня казалась ему липкой и грязной.

Не раздумывая, он схватил ее, скомкал в плотный узел и брезгливо отшвырнул в сторону. Нужно было немедленно избавиться от ощущения присутствия постороннего человека.

Действуя быстро и привычно, Набис достал свои вещи. Он застелил кровать чистой свежей простыней, ловко натянул наволочку на подушку и расправил сверху свой любимый плед. Только теперь, когда в комнате воцарился его собственный порядок, он смог наконец выдохнуть — это место начало становиться его домом.

Набис замер на пороге, даже не оборачиваясь, а затем медленно повернул голову к Акиму. Тон соседа был сухим и не терпящим возражений, что явно задело парня.

— Хочу сразу обозначить правила, — твердо произнес Аким, сложив руки на груди. — Посуду мыть сразу после себя, мусор выносить по очереди, в ванную стучать, даже если дверь не заперта. В мою комнату без стука не входить.

Набис усмехнулся, медленно повернувшись всем корпусом. Он окинул Акима внимательным взглядом, задерживаясь на его серьезном лице.

— Правила ты сам, что ли, придумал? — с иронией спросил он. — Может, тебе еще линию в коридоре мелом начертить, чтобы было понятно, где чья территория? А то вдруг я случайно наступлю на твой «священный» линолеум.

Аким даже не улыбнулся на эту шутку. Его взгляд оставался холодным и сосредоточенным.

— Правила для всех одинаковы, — отрезал он. — Если хочешь, чтобы мы ужились в этой квартире без скандалов, лучше их соблюдать.

Набис молча кивнул, принимая вызов, хотя в его глазах все еще плясали насмешливые искорки. Он понял, что жизнь с этим парнем будет проверкой на прочность для них обоих.

Аким на мгновение задумался, глядя на Набиса, и его взгляд стал еще более серьезным. Вопрос был закономерным для двух молодых людей, делящих одну жилплощадь.

— Про гостей отдельный пункт, — ответил он, не меняя тона. — Приводить кого-то можно, но без ночевки по будням. И никакого шума после одиннадцати вечера. Если твоя девушка решит остаться на выходные, ты должен предупредить меня заранее.

Набис прислонился плечом к дверному косяку, скрестив ноги.

— А если у нее возникнет желание приготовить завтрак на нашей общей кухне в субботу утром? — с легкой провокацией в голосе уточнил он. — Это не нарушит твой внутренний распорядок?

Аким коротко кивнул, принимая это уточнение.

— Кухня — общее пространство. Главное, чтобы после этого завтрака она не оставила гору грязных сковородок. Я не собираюсь убирать за твоими гостями. Это твоя зона ответственности.

Набис шутливо отсалютовал двумя пальцами.

— Понял, принял. Комендантский час и полная материальная ответственность за женское присутствие. Еще сюрпризы будут?

Аким помедлил, переводя взгляд с шипящей на сковороде картошки на бутылку коньяка, стоявшую на столе. Стык двух разных миров — его строгого порядка и хаотичной щедрости Набиса — происходил прямо здесь, на этой маленькой кухне.

— Ты всегда готовишь так, будто ждешь целую роту? — глухо спросил Аким, но все же оттолкнулся от дверного косяка и прошел к столу.

Запах жареного мяса и специй невольно вызывал аппетит, а домашний уют, который Набис создал буквально за полчаса, немного сбивал спесь. Аким отодвинул стул и сел, стараясь сохранять дистанцию, хотя в тесном пространстве кухни это было почти невозможно.

— Я не привык, чтобы кто-то другой хозяйничал на моей кухне, — добавил он, наблюдая, как Набис ловко орудует лопаткой. — Но пахнет... неплохо.

Набис довольно усмехнулся, разливая коньяк по двум бокалам, которые он успел найти в шкафу. Он поставил один перед Акимом и выложил на тарелку румяную картошку с сочными сардельками.

— «Неплохо» — это уже комплимент от тебя, — парировал Набис, подтягивая салат ближе к центру стола. — Ешь давай. И не смотри на меня так, будто я пытаюсь тебя отравить. Это просто ужин. Совместный ужин двух людей, которым завтра снова делить этот быт.

Аким взял вилку, помедлил секунду и приступил к еде. В тишине кухни, нарушаемой только звуком приборов, напряжение между ними начало понемногу таять, сменяясь странным, еще не до конца понятным обоим чувством общности.

Аким прожевал первый кусок, и его брови невольно поползли вверх. Картошка была идеально хрустящей снаружи и мягкой внутри, а специи — смесь чего-то острого и пряного — придавали самому простому блюду совершенно неожиданный вкус. Он ожидал чего угодно: пересоленного месива или пафосного ресторанного блюда, но это была настоящая, честная еда, от которой по телу разливалось приятное тепло.

Набис не торопился приступать к своей порции. Он откинулся на спинку стула, наблюдая за реакцией Акима с легкой, почти отеческой улыбкой. В тусклом свете кухонной лампы его черты казались мягче, а в глазах плясали отблески янтарного напитка в бокале.

— Ты добавил туда тмин? — спросил Аким, сделав глоток коньяка.

— И немного копченой паприки, — кивнул Набис, наконец взявшись за вилку. — Секрет не в ингредиентах, а в том, чтобы не мешать им подружиться на сковороде. Знаешь, на определенных этапах жизни учишься ценить такие мелочи. Когда вокруг хаос, тарелка горячей еды — это единственный якорь, который держит тебя в реальности.

Аким промолчал, но в глубине души согласился. Он привык воспринимать еду как топливо, а свой дом — как крепость, в которую никого не стоит пускать. Но сейчас, глядя на Набиса, он вдруг поймал себя на мысли, что тишина в этой квартире всегда была слишком звонкой. Теперь же ее заполняло мерное тиканье часов, шипение чайника на плите и присутствие человека, который, кажется, видел в нем не только соседа по необходимости.

— Ты часто так делаешь? — Аким обвел рукой кухню. — Врываешься в чужую жизнь и начинаешь жарить картошку?

Набис рассмеялся, и этот звук был на удивление искренним, без тени его обычной иронии.

— Только если чувствую, что жизнь этого человека стала слишком пресной. К тому же, Аким, признай: тебе нужно было с кем-то выпить.

Он поднял свой бокал, предлагая безмолвный тост. Аким помедлил мгновение, глядя в дно своей тарелки, а затем поднял свой стакан и коротко коснулся края бокала Набиса.

Тонкий звон стекла заполнил пространство, и в этот момент стена, которую Аким так тщательно выстраивал вокруг себя, дала первую заметную трещину. Они пили молча, и эта тишина больше не была напряженной — она стала уютной, как старый плед, в который кутаются в холодную ночь.

Восток — понятие растяжимое, и в устах Набиса оно звучало не как географическая точка, а как некое далекое воспоминание, подернутое дымкой. Аким продолжал изучать своего гостя, и чем дольше он смотрел, тем больше замечал деталей, которые не вязались с их скромным окружением. Белизна рук Набиса казалась почти неестественной, словно он никогда не касался ничего грубее книжных страниц или шёлка. Ухоженные ногти и тонкие пальцы выдавали в нём человека, чей труд был далёк от физического, а аромат дорогого одеколона, смешавшийся с терпким запахом коньяка, создавал вокруг него невидимый барьер изысканности.

— Восток большой, — негромко произнёс Аким, стараясь, чтобы его голос звучал обыденно. — Но по твоим рукам не скажешь, что ты много времени проводил под солнцем или на пыльных рынках. Ты больше похож на человека, который привык к прохладе залов с высокими потолками.

Набис мельком взглянул на свои ладони, словно проверяя, не выдали ли они какую-то важную тайну, и его губ коснулась едва заметная улыбка. Этот человек явно привык следить за собой, и эта безупречность в мелочах начинала вызывать у Акима не только любопытство, но и странное чувство дискомфорта. В мире Акима чистота и лоск были редкостью, а здесь, за кухонным столом, сидел кто-то, кто принёс с собой запах другой, более утонченной и, возможно, скрытной жизни.

— Солнце оставляет следы, которые трудно скрыть, — отозвался Набис, снова поднося бокал к губам. — Я же предпочитаю оставаться в тени. Там гораздо спокойнее, и вещи дольше сохраняют свой первоначальный вид.

Он говорил медленно, смакуя каждое слово, как и сам напиток. Аким почувствовал, как тепло алкоголя расслабляет его мышцы, но разум оставался настороженным. Этот гость из «Востока» был слишком аккуратным, слишком спокойным и слишком хорошо пах для человека, который просто решил зайти на огонёк к соседу. Каждое движение Набиса было выверено, а его присутствие наполняло комнату так, что Аким на мгновение показалось, будто это он здесь гость, а не хозяин.

Аким молча наблюдал за тем, как блики от единственной тусклой лампы играют на гранях бокала в руках Набиса. В тишине кухни, где обычно слышалось только ворчание старого холодильника, теперь повисло нечто осязаемое — холодное и острое, как лезвие, спрятанное в шелковом рукаве.

— Тень — удобное место, — наконец произнес Аким, подавшись вперед и упираясь локтями в шербатую столешницу. — Но в тени часто прячется то, что боится света. Вы ведь не из тех, кто просто боится обгореть, Набис.

Гость слегка наклонил голову, и в этом жесте было нечто птичье, хищное. Он поставил бокал на стол — звук был почти неслышным, но в ушах Акима он отозвался грохотом. Набис не ответил сразу. Он обвел взглядом убогую обстановку кухни, задержавшись на трещине в

стене, а затем снова посмотрел на хозяина дома. В его темных глазах не было ни сочувствия, ни высокомерия, только ледяной расчет.

— Вещи, Аким, имеют свойство ломаться, когда на них направлено слишком много внимания, — мягко сказал Набис. — Люди — тоже. Я прихожу не для того, чтобы приносить свет или разрушение. Я прихожу, чтобы убедиться, что всё остается на своих местах.

Он потянулся к внутреннему карману своего безупречного пиджака — Аким произвольно напрягся — но Набис лишь поправил манжет и снова опустил руку на стол.

— Мой визит к вам — это не случайность и не соседская вежливость, — продолжил он, и его голос стал на тон ниже. — В залах с высокими потолками заговорили о вас. И поверьте, это гораздо опаснее, чем пыль восточных рынков.

Набис поднялся из-за стола, и это движение, обыденное для любого другого, в его исполнении выглядело как отточенный маневр. Он медленно и аккуратно закатал рукава своей белоснежной сорочки, обнажая крепкие запястья. На фоне обшарпанных стен и тусклой лампочки его холеные руки смотрелись чужеродно, почти сюрреалистично.

Аким молча наблюдал, как гость собирает тарелки. В этой тишине, разбавленной лишь звоном дешевой керамики, было что-то новое. Напряжение никуда не исчезло, но оно сменилось странным, временным перемирием, которое часто наступает после хорошего алкоголя и честного разговора.

— Правила — это то, что отделяет нас от хаоса, Аким, — не оборачиваясь, произнес Набис. Он подошел к раковине и открыл кран. Струя воды с шумом ударила в дно тарелки. — В моем мире тоже не любят должников. И дело тут не в тарелках. Если человек привыкает только брать, он однажды обнаруживает, что ему больше нечего предложить, кроме собственной шкуры.

Он начал мыть посуду с той же тщательностью, с какой, вероятно, изучал финансовые отчеты или планировал свои визиты. Аким видел его спину, прямую и напряженную, и понимал, что этот человек не умеет расслабляться по-настоящему. Даже здесь, за мытьем жирных тарелок, Набис оставался игроком, который просчитывает каждый свой жест.

— Ты не халевщик, это я уже понял, — негромко сказал Аким, откидываясь на спинку старого стула и провожая взглядом остатки коньяка в своем бокале. — Но ты и не просто помощник. Ты сейчас смываешь не жир, ты выравниваешь баланс. Чтобы завтра, когда возникнет вопрос, никто не мог сказать, что ты мне что-то должен.

Набис на мгновение замер, держа в руках мокрую тарелку, а затем едва заметно улыбнулся своему отражению в темном стекле окна. Его движения оставались точными и скупыми. Кухня постепенно наполнялась запахом дешёвого мыла и влаги, окончательно вытесняя аромат дорогого табака и коньяка.

Набис аккуратно повесил полотенце на край раковины и обернулся, вытирая руки. Его взгляд, холодный и пронизательный, снова сфокусировался на Акиме. На мгновение показалось, что маска вежливого гостя окончательно спала, оставив лишь человека, привыкшего отдавать приказы и получать желаемое любой ценой.

— Баланс — это единственное, что удерживает этот мир от хаоса, Аким, — произнес он, подходя к столу. — Возможности возникают сами. Но любая возможность требует того, кто готов ее реализовать, не задавая лишних вопросов.

Глава 2 Невидимое соседство

Набис лежал на спине, глядя в трещину на потолке — тонкую, как шрам. За стеной тишина. Аким, видимо, уже спал.

Тело, наконец, перестало притворяться.

Он не включал свет. Не сбрасывал одеяло. Просто позволил себе ****ослабить контроль**** — и тогда всё, что держалось на силе воли, хлынуло вверх: тепло в животе, тяжесть в паху, дрожь в пальцах, будто они годами ждали этого момента.

Он провёл ладонью по животу — кожа влажная от пота, несмотря на прохладу в комнате. Дышал ровно, но сердце билось так, будто он бежал. Или убегал.

Пальцы скользнули ниже, под резинку. Не спеша. Не из желания — из ****необходимости****. Как будто только сейчас, в темноте, в полной тишине, он имел право прикоснуться к себе ****без маски****.

Он закрыл глаза. Не думал ни о ком. Ни о прошлом. Ни о том, кто сейчас дышал за стеной. Просто — ****чувствовал****. Ткань, натянутая на бедре. Теплую влажность ладони. Ритм, который он сам задавал — медленный, почти молитвенный.

В этот момент он не был беглецом. Не был «тем, кто разорвал связи». Он был просто ****телом****, которое хочет, чтобы его коснулись. Хоть своими же руками. Хоть в темноте. Хоть на миг.

Когда кончил — не выругался, не задохнулся. Просто выдохнул, как будто долго не мог. Потом провёл тыльной стороной ладони по лбу, стирая пот.

Тишина вернулась — плотнее, чем до этого. Словно комната ****запомнила**** этот миг.

Он перевернулся на бок, подтянул колени к груди. В горле стоял ком — не от стыда, а от странной, острой ****пустоты****. Как будто он только что обнял самого себя... и понял, как давно никто не обнимал его по-настоящему.

За стеной скрипнула кровать. Аким, наверное, перевернулся.

Набис замер. Но сосед не включил свет. Не встал. Просто — лёг снова.

И в этой общей тишине, в этом невидимом соседстве, Набис впервые за долгое время почувствовал:

****он не один****.

Даже если никто не знает его имени.

Он сел на край кровати, достал из ящика чистые трусы, снял испачканные. Вытер бёдра салфеткой — быстрым, почти механическим движением, будто стирал не следы тела, а ****следы слабости****.

Потом надел новое белье — хлопковое, черное, без узоров. То, что не напоминает ни о чём.

Скомкал старые, бросил в корзину для грязного. Не смотрел на них.

Тишина легла обратно на комнату — но уже другая. Не пустая. **Использованная.**

Он лёг снова, натянул простыню до подбородка. Где-то за стеной Аким перевернулся на другой бок.

Набис закрыл глаза.

Теперь я чист. Теперь я снова могу притворяться.

Аким лежал на спине, руки под головой, глаза открыты.

За стеной — тишина. А потом — едва слышный вздох. Потом — движение. Не шаги. Не скрип. Просто... **дыхание, ставшее плотным**.

Он узнал этот ритм. Не потому что слушал. А потому что **сам так дышал** — когда думал, что весь мир уже спит, а он один наедине с тем, что нельзя назвать.

Кто он такой? — мелькнуло в голове, и Аким тут же отогнал мысль, как муху.

Но она вернулась. Упрямая.

Откуда у него этот одеколон? Почему он так боится оставить след? Почему смотрит на мои руки, как будто ищет подтверждение?

Аким перевернулся на бок, лицом к стене. К **их** стене. Той самой, что дрожит от каждого шепота.

Он не хотел думать о Набисе. Не сейчас. Но тело помнило — как тот стоял у плиты в мокрой футболке, как напряглась спина, когда он резко обернулся в ванной, как дрожал голос, когда сказал: *«Я требую тишину»*.

Тишину? — усмехнулся про себя Аким. — *Или хочешь, чтобы я перестал быть человеком? Чтобы я перестал дышать, пока ты пытаешься забыть, как дышать сам?*

Он знал, что Набис тоже **прячется**. По-другому, но так же отчаянно. И в этом была боль — и притяжение.

Потому что видеть того, кто лжет так же, как ты, — значит **чувствовать себя менее одиноким**.

А Аким уже давно забыл, как это — быть увиденным.

Пальцы сами потянулись к поясу. Он остановил их.

Не сейчас. Не здесь. Не когда за стеной он тоже...

Но тело не слушало. Оно помнило прикосновения прошлой ночи — чужие пальцы, чужой шепот, чужой шарф, который он спрятал, как улику. Помнило, как хорошо было **забыться**, хоть на час.

А теперь — снова четыре стены, сосед, который смотрит слишком пристально, и голос матери в голове: *«Главное — чтобы никто не догадался»*.

Он сжал кулаки.

Я не виноват в том, что хочу. Я не виноват в том, что прячусь. Я просто... выживаю.

За стеной — тихий стон. Короткий. Сдавленный. Потом — резкое движение. Потом — тишина, нарушаемая только дыханием.

Аким замер.

Он знал, что происходит. Не слушал. Но **чувствовал** — каждой клеткой кожи, каждым нервом. Потому что это было **зеркало**.

И в этот момент он не злился. Не завидовал. Он **понял**.

Он такой же, как я. Только его ложь — про прошлое. А моя — про желание.

Он тихо перевернулся на спину, закрыл глаза.

Пусть думает, что я сплю.

Пусть думает, что я — просто «тихий сосед».

Пусть не знает, что я слышу, как он **возвращается к себе**... и как сразу же снова теряется.

За стеной — тишина. Ни шагов. Ни скрипа кровати. Набис не выходил.

Аким посмотрел на дверь соседской комнаты. Она была **закрыта на замок**.

Не просто прихлопнута. Не просто заперта изнутри.

Закрыта на ключ.

Он не слышал, как тот вставал. Не слышал воды в ванной. Даже кофеварку не трогал — чашка Набиса стояла чистой, сухой, на своём месте в шкафу.

Значит, решил не выходить, — подумал Аким. — *Или не хочет, чтобы я его видел.*

Он допил кофе. Горький, без сахара. Как всегда.

Потом встал, подошёл к двери Набиса. Не постучал. Просто постоял.

Палец сам потянулся к замочной скважине — не чтобы открыть, нет. Просто **проверить**, насколько глубоко ушла эта стена между ними.

Но остановился.

Ты же сам сказал: «не захожу без стука».

Он отошёл. Включил чайник — будто для себя, но на самом деле налил воды побольше. Поставил вторую чашку на стол. Рядом — пачку того самого чая, что пах древесным дымом. Того, что Набис, возможно, запомнил.

Потом сел и стал ждать.

Не с надеждой. Не с требованием.

Просто — **дал знать**: *я здесь. Я не ушёл. Я не осуждаю.*

За дверью — ни звука.

Но Аким знал: Набис слышит.

Потому что прошлой ночью он тоже слышал.

Телефон Акима зазвонил — резкий, незнакомый мелодией звук, будто впервые за всё время. Он взял аппарат, взглянул на экран, и на лице мелькнуло что-то — не радость, не раздражение, а **старая, выученная маска**.

— Привет, мама, — сказал он, голос стал мягче, но не теплее. — Всё в порядке.

За стеной Набис замер.

Мама.

Слово, простое, бытовое — но оно ударило в висок, как воспоминание, которого он не ждал. Он не слышал, что она говорит. Слышал только **его голос** — другой, покорный, будто тот Аким, что стоит на кухне, сейчас стирает с себя всё, что есть, чтобы остаться «хорошим сыном».

Набис встал. Медленно, будто боясь, что пол скрипнет и выдаст его подслушивание. Прошёл в ванную, закрыл дверь — не на ключ, нет, просто плотно.

Включил воду. Холодную. Умылся. Потом еще раз. Стёр с лица не сон, а **что-то другое** — остатки ночи, ощущение тела, которое позволило себе быть живым.

Когда выключил кран, Аким всё ещё говорил. Тихо, размеренно:
— Нет, всё спокойно... Нет, не один... Нет, не волнуйся.

Набис вытер лицо полотенцем. Посмотрел в зеркало. Глаза — пустые. Как будто смысл не только воду, но и **мысли**.

Больше нет в голове.

Ничего. Ни вопросов. Ни желаний. Ни страха. Только пустота, чистая, как вымытая раковина.

Он вышел из ванной. Аким уже положил телефон на стол. Сидел, уставившись в чашку. Плечи опущены. Маска спала.

Их взгляды встретились на мгновение — в коридоре, между дверью и кухней.

Ни один не сказал ничего.

Но оба поняли:

Ты тоже играешь. Только в другую роль.

Аким отвел глаза первым.

Набис прошёл мимо — босиком, молча, как тень,
и закрыл за собой дверь своей комнаты.

На этот раз — **без замка**.

В дверь постучали. Тихо. Два коротких стука — не настойчиво, почти осторожно.

— Да, — ответил Набис, не вставая с кровати.

Дверь приоткрылась. Аким просунул голову внутрь, тело оставил в коридоре — как всегда, как договорились.

— Чего стал? — Набис поднял на него глаза. — Заходи, если хочешь спросить.

Аким помедлил секунду — будто проверяя, не ловушка ли это. Потом шагнул внутрь. Закрыл дверь за собой, но не до щелчка — оставил приоткрытой, как жест: *я не вторгаюсь*.

— Можно твоим шампунем попользоваться? — сказал он, глядя в пол. — Мой закончился.

Набис замер. Удивление вспыхнуло мгновенно — не от просьбы, нет. От **доверия**. Шампунь — мелочь. Но это значило: *я знаю, где ты его держишь. Я знаю, что ты не выгонишь меня за это. Я рискую войти в твою зону*.

Он встал. Подошёл к шкафу, достал бутылку — чёрную, без этикетки, с запахом кедра и чего-то горького. Протянул Акиму.

Тот взял. Пальцы почти не коснулись — но всё равно Набис почувствовал тепло.

— Спасибо, — сказал Аким. Голос был ровный, но в нём слышалась лёгкая хрипотца — та самая, что осталась после ночного разговора с матерью.

Он повернулся к выходу. И в этот момент Набис сказал — тише, чем хотел:

— Оставь. Если удобно.

Аким остановился. Обернулся. Взгляд — вопрос без слов.

— Шампунь, — пояснил Набис. — Он... тебе подойдет.

Аким чуть кивнул. Не улыбнулся. Но в уголках глаз мелькнуло — не облегчение, нет. Что-то тоньше.

Признание.

— Хорошо, — сказал он. — Оставлю.

И вышел. На этот раз дверь закрыл полностью.

Но уже не как чужой.

Как тот, кто **начал входить**.

Два месяца они жили под одной крышей.

Два месяца — и ни одного звонка от Набиса. Ни «привет, мам», ни «да, всё нормально», ни даже короткого сообщения вслух. Только тишина, когда он закрывался в комнате, и иногда — шёпот в телефон, настолько приглушенный, что Аким не мог разобрать ни слова. Только

интонацию: напряжённую, отстраненно, будто На Бис говорил не с человеком, а с **призраком**.

Аким наблюдал. Тихо. Не задавая вопросов.

Он знал: тот, кто бежит, не любит, когда его спрашивают — *куда*.

Но однажды вечером, когда Набис мыл посуду, а Аким стоял у окна с чашкой чая, он всё же сказал — будто между делом, почти случайно:

— Чем занимаются твои родители?

Набис не обернулся. Просто вытер руки о полотенце, медленно, как будто выигрывал время.

— Обычно — ничем, — ответил он. — Моя мать... риэлтор. Родители разведены. Отца я почти не вижу.

Голос был ровный. Слишком ровный. Как будто фраза была отрепетирована сотни раз — для незнакомцев, для формальностей, для тех, кто не имеет права копать глубже.

Аким кивнул. Не стал спрашивать: *«Почему не видишь?»* или *«А она звонит?»*

Он знал — это не просто ответ. Это **граница**. За ней — то, что Набис не готов отдать даже в виде слов.

Но в голове у Акима уже сложилась картина:

женщина в дорогом пальто, которая «сделала всё для сына»,
квартиры, проданные вместо объятий,
и сын, который исчез, потому что **стал товаром**, а не ребёнком.

— Понятно, — сказал Аким просто.

И добавил, чуть помолчав:

— Моя мать... тоже думает, что знает, что для меня лучше.

Набис наконец посмотрел на него. Взгляд — неблагодарный, нет. Но **менее закрытый**, чем обычно.

Они стояли в кухне — два человека, разделенные прошлым, но связанные **общей ложью**:

«Я в порядке».

За окном начал накрапывать дождь.

Майский месяц.

Глава 3 Неожиданная гость

Напряжение между ними накапливалось несколько дней подряд, как статическое электричество в душной комнате перед грозой. Правила Акима, безупречные на бумаге, на практике ежедневно разбивались об артистичный хаос Набиса. Забытая на столе чашка, случайно переставленная баночка со специями, слишком громкий шаг в коридоре — любая мелочь становилась искрой.

> В тот вечер всё началось с глупости. Набис вернулся поздно, бросив промокшую куртку на стул в прихожей, а не повесив её на плечики, как того требовал строгий распорядок Акима.

> — Я, кажется, по-русски говорил: у каждой вещи своё место, — отрезал Аким, выходя из кухни с ледяным взглядом. — Ты здесь не один живешь.

> Набис, уставший после долгого дня, лишь насмешливо вскинул бровь и даже не подумал сдвинуться с места.

> — Ты случайно не забыл, что это квартира, а не казарма, Аким? — с провокационной ухмылкой отозвался он. — Или у тебя от твоего идеального порядка уже в глазах рябит?

> — Убери куртку, — шаг навстречу. Голос Акима опустился на октаву.

> — А то что? Напишешь на меня жалобу Маркусу? Или мелом черту проведешь?

> Слово за слово — и тонкая грань между бытовой перепалкой и физической яростью стерлась мгновенно. Аким резко схватил куртку за воротник, Набис перехватил его руку, пытаясь оттолкнуть, и через секунду они уже сцепились в узком коридоре.

> Это была глупая, злая и быстрая схватка. Аким пытался применить борцовский захват, используя силу и массу, но Набис двигался упрямо и уворачивался с неожиданной гибкостью. В какой-то момент они оба врезались в стену, заставив гипсовую перегородку жалобно затрещать. Локоть Акима мельком прилетел Набису под глаз, а Набис, потеряв равновесие, сбил плечом полку с ключами.

> Стухла ярость так же быстро, как и вспыхнула. Тяжело дыша, они замерли друг напротив друга посреди разбросанных мелочей. Под левым глазом Набиса наливалась тёмная припухлость, а у Акима горела ссадина на скуле.

> — Умник, блин, — выдохнул Аким, вытирая губу и отходя к раковине.

> — Зато порядок соблюден, — пробормотал Набис, прикасаясь пальцами к начинающему отекать синяку и сухо усмехаясь.

> Следующие два дня они почти не разговаривали, обмениваясь лишь ледяными кивками на кухне и делая вид, что этого позорного взрыва никогда не было. Но осадок остался. И именно с этим невидимым синяком и затаенной неловкостью они встретили следующее утро...

Горячая вода стекала по плечам Набиса, смывая усталость и раздражение последних дней. После драки прошло уже несколько суток, но неприятный осадок никуда не делся.

Они с Акимом почти не разговаривали.

Обменивались короткими фразами на кухне, уступали друг другу дорогу в коридоре и делали вид, что ничего не произошло.

Набис закрыл глаза.

Шум воды заглушал всё.

Почти всё.

Сначала хлопнула входная дверь.

Потом слышались шаги.

Женские шаги.

Набис нахмурился.

Через мгновение дверь ванной открылась.

— Аким? — раздался незнакомый голос.

Набис резко открыл глаза.

За матовым стеклом душевой кабины виднелся женский силуэт.

Девушка замерла у раковины.

— Аким, ты дома?

Набис откашлялся.

— Вообще-то нет.

Наступила тишина.

Потом девушка тихо ойкнула.

— Господи...

Она явно не ожидала услышать чужой голос.

Набис потянулся за полотенцем, но вспомнил, что оставил его на стиральной машине.

— Полотенце подай.

После короткой паузы полотенце появилось возле дверцы кабинки.

— Спасибо.

— Не за что, — ответила девушка.

Карина первой протянула руку.

— Карина.

Набис на секунду задержал взгляд на её лице.

Вместо обычного рукопожатия он протянул ей руку и коснулся губами ее пальцев.

Карина удивленно моргнула.

— Набис.

— Очень приятно познакомиться.

— Ничего себе, — усмехнулась она. — А ты всегда так здороваешься?

— Только когда встречаю красивую девушку...

В этот момент дверь комнаты открылась.

На пороге появился Аким.

Сонный. Растрёпанный. В старой футболке.

Увидев Карину, он застыл.

Увидев Набиса рядом с ней — застыл ещё сильнее.

— Карина?

— А кого ты ожидал увидеть? — спросила она.

Аким устало провёл рукой по лицу.

— Ты должна была позвонить, предупредить меня. Сегодня выходной.

— Я прихожу по выходным. Я писала тебе сообщение.

— В три часа ночи.

— Но писала же.

Набис молча наблюдал за ними.

Слишком свободный разговор.

Слишком привычные интонации.

Слишком много недосказанного.

За всё время Аким ни разу не упоминал никакую Карину.

Не случайно.

Ни вскользь.

Никак.

И сейчас Набис вдруг понял, что знает о своем соседе гораздо меньше, чем ему казалось.

Аким заметил его взгляд.

На секунду между ними повисло напряжение.

То самое, которое осталось после драки.

— Это Карина, — сказал Аким.

— Уже понял, — кивнул Набис.

Он посмотрел на девушку чуть внимательнее и усмехнулся.

— А ты скрывал такой бриллиант, Аким? Наверное, берёг для особого случая.

Карина удивленно моргнула.

— Это комплимент?

— Разумеется.

— Тогда спасибо.

Аким закатил глаза.

— Не обращай внимания. Он иногда разговаривает так, будто ему сто лет.

— Это называется хорошие манеры, — невозмутимо ответил Набис.

— Это называется выпендрейж, — отрезал Аким.

Карина перевела взгляд с одного на другого.

На столе дымились две кружки кофе. Рядом лежал нож, сахарница и коробка с тортом, которую принесла Карина.

Набис вышел из комнаты в шортах и желтой майке. Волосы после душа еще были влажными.

Он остановился в дверях.

Карина сидела за столом и почему-то избегала смотреть ему в глаза.

Набис заметил это сразу.

После неловкой встречи в ванной это выглядело вполне объяснимо.

Аким поднял взгляд от чайника.

— Садись. Кофе будешь?

— Буду.

Набис сел напротив Карины.

Она быстро открыла коробку и принялась резать торт.

— Я не знала, что у тебя сосед появился, — сказала она, обращаясь к Акиму.

— А я не знал, что ты придешь без предупреждения.

— Ты никогда не отвечаешь на сообщения.

— Отвечаю.

— Через три дня.

Набис невольно усмехнулся.

Карина впервые посмотрела на него и тоже улыбнулась.

Напряжение немного ослабло.

Она разложила кусочки торта по тарелкам.

Аким поставил на стол третью кружку с кофе.

На несколько секунд на кухне воцарилась тишина.

Со стороны они выглядели почти как семья.

И именно эта мысль неожиданно испортила Набису настроение.

Несколько минут они пили кофе молча.

Набис отломил кусочек торта и попробовал.

Кофейный вкус оказался неожиданно насыщенным — с лёгкой горчинкой и ароматом шоколада.

— Вкусный торт, — признал он.

Карина довольно улыбнулась.

— Я его через весь город тащила.

— Оно того стоило.

Набис сделал еще глоток кофе и посмотрел сначала на Карину, потом на Акима.

Вопрос вырвался сам собой:

— И давно вы встречаетесь?

Наступила тишина.

Аким поднял голову.

Несколько секунд оба просто смотрели на него.

Потом Карина расхохоталась.

Так искренне, что едва не уронила чашку.

— О господи...

Набис нахмурился.

— Что?

Аким тяжело вздохнул.

— Не встречаемся.

— Нет?

— Нет.

Карина всё ещё смеялась.

— Набис, я его двоюродная сестра.

Набис замер.

Теперь уже Аким позволил себе едва заметную улыбку.

— Видимо, надо было познакомить вас раньше.

— Согласна, — сказала Карина. — А то человек уже целую драму себе придумал.

Набис покачал головой и уткнулся в чашку.

Но почему-то почувствовал облегчение, которое не смог бы объяснить даже самому себе.

Кофе давно закончился.

От торта тоже остались только крошки.

Карина уже в третий раз предлагала добавку.

— Ещё кусочек?

— Нет, — сразу ответил Аким. — Я и так набрал пару килограммов.

— Врёшь.

— Не вру.

— Врёшь.

Набис усмехнулся.

— Мне тоже хватит.

Карина пожала плечами и принялась собирать тарелки.

За разговором она успела расспросить Набиса почти обо всём.

Откуда приехал.

Где учится.

Как оказался в этом городе.

Она была удивительно любознательной.

Набис невольно сравнивал ее с Акимом.

Что-то общее между ними определённо было.

Та же форма глаз.

Та же улыбка.

Но если Аким выглядел спокойным и собранным, то Карина словно не могла усидеть на месте.

— Давай помогу, — сказала она, поднимаясь со стула.

Набис остановил её.

— Не надо.

— Почему?

— Потому что ты гость.

Карина удивленно подняла брови.

— Аким, это твои правила?

— Мои.

— Тогда соблюдай их.

Аким тяжело вздохнул.

— Вы оба невозможные.

Он собрал тарелки и направился к раковине.

Через минуту уже шумела вода.

— Аким, может, я приберусь у тебя в комнате? — спросила Карина.

— Даже не думай.

— Почему?

— Потому что моя комната — святое место.

— Там всё настолько плохо?

— Нет. И не станет лучше от того, что ты туда залезешь.

Карина показала ему язык.

Аким только покачал головой.

— Знаешь, после прошлого соседа я вообще начал ценить чистоту.

— Что было с прошлым соседом?

— Мы не сошлись характерами.

— То есть?

— Он съехал.

Набис заметил, как уголки губ Акима дернулись в улыбке.

— Очень дипломатичный ответ, — заметила Карина.

— Я стараюсь.

Она рассмеялась.

Потом неожиданно спросила:

— Набис, а у тебя есть братья или сёстры?

— Нет. Я один ребёнок в семье.

— Жаль.

— Почему?

Карина задумалась.

— Не знаю. Мне всегда нравилось, что рядом есть кто-то свой.

Она улыбнулась Акиму.

Тот подошёл и легко потрепал её по волосам.

— Иногда она говорит так, будто я домашний питомец.

— Потому что ты и есть домашний питомец.

— Вот видишь?

Набис наблюдал за ними и вдруг поймал себя на мысли, что немного завидует.

Не отношениям.

А лёгкости между ними.

Словно они могли говорить друг другу всё что угодно и всё равно оставались семьей.

Аким посмотрел на часы.

— Ладно. Мне пора на тренировку.

— По дзюдо? — спросил Набис.

— Угу.

— Где тренируешься?

Карина хитро улыбнулась.

— Что, тоже решил записаться?

— Просто интересно.

— Тогда собирайся, — донёлся голос Акима уже из комнаты.

Через несколько минут он вышел со спортивной сумкой через плечо.

Карина надела рюкзак.

— Мы ждем внизу, — сказала она.

Они вышли из квартиры.

Набис еще секунду постоял в прихожей, затем схватил свою сумку, запер дверь и поспешил следом.

Впервые за долгое время ему действительно хотелось куда-то идти.

Марик, не переживай. Работа не коту под хвост — текст живой, характеры сильные, история цепляет. Просто шлифуем.

Глава 4 Победить себя

Запах пота и дезинфекции висел в воздухе зала. Аким стоял на татами, разминая запястья. Сегодня он был взведен как пружина — после той неловкой встречи в ванной ему нужно было выпустить пар.

— Спарринг! — крикнул тренер. — Аким, ты с Витей.

Аким поднял голову. В центре зала стоял мальчишка — худой, с выражением вечного удивления на лице. Пятнадцать, не больше.

— Тренер, — Аким сдержал раздражение, — разве у меня нет спарринг-партнера моего уровня?

Тренер, не отрывая взгляда от блокнота, пожал плечами:

— Витя новый. Пусть поучится у лучшего.

Аким сжал зубы. *«Лучший»*. Он не чувствовал себя лучшим. Не после вчерашнего. Не после того, как лгал Набису. Не после того, как Карина вошла в ванную, будто это её дом.

— Начали! — скомандовал тренер.

Витя подошёл, поклонился. Аким механически ответил. Мальчишка рванулся вперед — неловко, как щенок. Аким даже не напрягся: просто перенаправил его движение, и Витя шлепнулся на татами.

— Вставай, — сказал Аким. В голосе не было злобы. Только пустота.

Витя поднялся, улыбаясь. Ему, видно, нравилось.

— Ещё раз, — сказал Аким.

Витя бросился снова. На этот раз Аким не сдержался. Коучи-гари с такой силой, что Витя пролетел пол татами. Зал замер.

— Аким! — строго окликнул тренер. — Он новичок.

Аким выдохнул. Он злился. Не на Витю. Не на тренера. На себя.

В этот момент дверь зала скрипнула. Аким поднял голову — и замер.

Набис.

Он вошёл так, будто это его территория. В руках — форма. Белая, чистая, словно он всегда здесь тренировался. Подошёл к скамейке, начал переодеваться.

Аким наблюдал, как ткань кимоно легла на плечи Набиса, подчеркивая силу, которую тот раньше не показывал.

— Разве ты дзюдоист? — спросил Аким, и в голосе зазвучало недоверие.

Набис подтянул пояс, завязал узел. Движения точные, уверенные — как у человека, который делал это не раз.

— Тебе какая разница? — он поднял глаза. — Сам же просил своего уровня.

Аким почувствовал, как что-то сжалось в груди.

— Не боишься, что уделаю тебя? — спросил Набис. Губы дрогнули в едва заметной улыбке.

Аким не отвечал. Он рассматривал Набиса. Не как соседа. Как противника.

Тренер подошёл, сложив руки на груди.

— Если готовы — начинаем.

Набис кивнул, не отводя взгляда от Акима.

Аким сжал кулаки. Хорошо. Пусть. Он покажет этому парню, что значит быть на его уровне.

Тренер посмотрел сначала на одного, потом на другого.

— Знакомы?

— Живём вместе, — ответил Набис .

— К сожалению, — буркнул Аким.

— Врет, — добавил Набис.

Карина, сидевшая на трибуне, прыснула от смеха.

Тренер покачал головой.

— Отлично. Тогда посмотрим, кто из вас больше врет.

Набис и Аким вышли на татами. Поклонились.

На секунду всё вокруг исчезло. Тренер. Карина. Остальные спортсмены. Остался только человек напротив.

— Готов? — тихо спросил Набис.

Аким усмехнулся.

— Когда проиграешь — домой пешком пойдешь.

— А когда проиграешь ты?

— Не мечтай.

— Значит, боишься.

Улыбка исчезла с лица Акима.

— Начали! — крикнул тренер.

И впервые за долгое время оба одновременно захотели одного и того же.

Победить.

Набис первым сократил дистанцию. Слишком быстро. Привычка, выработанная годами тренировок.

Аким тут же поймал его рукав.

— Ошибка, — спокойно сказал он.

Через секунду Набис уже лежал на спине.

Карина рассмеялась с трибуны.

— Красиво летел!

Набис поднялся, отряхнул кимоно.

— Еще раз.

Они снова поклонились. На этот раз Набис был осторожнее.

— Ты раньше занимался? — спросил Аким.

— Тхэквондо.

— Заметно.

— Это комплимент?

— Нет.

— Тогда сейчас будет больно.

Аким усмехнулся. И впервые за тренировку атаковал первым.

Они сошлись почти одновременно. Аким попытался взять захват за рукав, но Набис резко ушёл в сторону. Слишком быстро. Не по-дзюдоистки.

По залу пробежал легкий шум.

— Он точно новичок? — спросил кто-то.

Карина улыbnулась, наблюдая с трибуны.

Набис снова ушел от захвата. Аким нахмурился. Теперь он понял. Тхэквондо. Привычка постоянно двигаться и держать дистанцию.

— Боишься подойти ближе? — бросил он.

— Боюсь тебя поранить.

— Мечтай.

Набис усмехнулся. На этот раз он сам вошёл в контакт. Руки сцепились. Кимоно натянулось. Несколько секунд никто не мог получить преимущество.

Со стороны это уже выглядело не как тренировка. Скорее как спор, который оба решили закончить на татами.

Аким резко дёрнул соперника на себя. Набис удержался. Ещё рывок. И вдруг сам провел подсечку. Аким потерял равновесие и едва не упал.

По залу прокатилось удивленное:

— О-о-о...

Карина привстала.

— Вот это уже интересно.

Аким выпрямился. В глазах появился азарт. Впервые за вечер.

— Где ты этому научился?

— Жизнь научила.

— Очень содержательно.

Они снова сошлись. Теперь уже жёстче. Быстрее. Никто не хотел уступать.

Тренер наблюдал несколько секунд, потом свистнул.

— Стоп!

Оба замерли.

— Это спарринг или выяснение отношений?

Молчание. Набис отвел взгляд первым. Аким тяжело дышал.

Тренер покачал головой.

— Так и думал.

Он подошёл ближе.

— Вы оба сильные. Но сейчас пытаетесь победить не соперника.

— А кого? — спросил Набис.

Тренер посмотрел сначала на него, потом на Акима.

— Себя.

В зале стало тихо. Даже Карина перестала улыбаться. Потому что впервые за весь вечер кто-то сказал вслух то, что оба пытались скрыть.

— Идите в душ. На сегодня хватит.

Тренер махнул рукой и отвернулся к остальным спортсменам.

Аким и Набис переглянулись. Никто не спорил. Они молча направились в раздевалку.

Шум зала постепенно остался позади. Кто-то смеялся. Кто-то обсуждал броски. Кто-то уже собирался домой.

Аким снял куртку от кимоно, бросил на скамейку. Набис рядом развязывал пояс.

— Неплохо двигался, — сказал Аким.

— Для новичка?

— Для человека, который утверждал, что не занимается дзюдо.

Набис усмехнулся.

— Я и не занимаюсь.

— Но подсечку сделал грамотно.

— Случайно получилось.

— Врёшь.

Набис ничего не ответил.

Они взяли полотенца и направились к душевым. Свободных кабинок оказалось достаточно. Несколько минут слышался только шум воды. После тренировки мышцы приятно гудели от нагрузки.

Когда они вернулись в раздевалку, Карина уже ждала у выхода. Сидела на скамейке, листала что-то в телефоне. Увидев их, подняла голову.

— Ну что?

— Ничья, — сказал Аким.

— Врёшь, — тут же ответила Карина.

— Почему?

— Потому что ты никогда не говоришь «ничья», если выигрываешь.

Набис рассмеялся. Аким закатил глаза.

— Иногда я жалею, что мы родственники.

— А я нет.

Карина поднялась со скамейки.

— Пойдемте домой. Я умираю от голода.

— Ты съела половину торта.

— Именно поэтому.

Набис поймал себя на том, что улыбается. Сам не заметил, как этот вечер перестал быть обычной тренировкой.

Глава 5 Молитва тело

Карина проснулась первой.

Нашупала ногой тапочку, потянула — не наделась. Встала кое-как, волосы растрепаны, глаза ещё не до конца открылись. В квартире тишина — парни, судя по всему, ещё спали.

Она толкнула дверь комнаты — и остановилась.

Аким лежал в постели Набиса. Прямо рядом с ним. Плечо к плечу, дышали ровно, оба не в курсе, как это выглядит со стороны.

Карина прикрыла рот ладонью, чтобы не засмеяться. Потянулась за телефоном и сделала пару снимков — тихо, аккуратно, с удовольствием.

Потом пошла умываться.

Она уже чистила зубы своей розовой щёткой с котёнком, когда в ванную вошёл Набис. Аккуратно снял руку Акима с плеча, переложил на подушку — тот даже не пошевелился — и бесшумно вышел.

— Мило спите, — сказала Карина, не оборачиваясь, через пену зубной пасты.

Набис не ответил. Встал рядом у раковины, и уже через секунду его ладонь коротко хлопнула её по бедру — без предупреждения, так, шутя.

Карина среагировала моментально — локоть в бок.

— Ещё раз — и я не промахнусь, — спокойно сказала она, прополоскала рот и посмотрела на него в зеркало. — Кстати, ты знаешь, что к тебе ночью кто-то перебрался?

— В курсе. Почувствовал чужую голову на плече. Открыл глаза — сосед. — Набис пожал плечами. — Наверное, неудобно было спать на полу.

— Ты массажист, говорят?

— Проходил курс.

— Акиму пригодится, — усмехнулась она. — Иду варить кофе. Тебе как?

— Чёрный.

Карина разлила кофе по чашкам, поставила одну на стол и понесла вторую в комнату. Залезла на кровать, устроилась рядом с братом и прошлась пальцами ног по его позвоночнику — позвонок за позвонком, с хрустом.

Аким дернулся и сбросил её с кровати раньше, чем проснулся.

— Доброе утро, — сказала она с пола.

— Доброе. — Он сел, потер лицо. — Если бы ты не заняла мою кровать, я бы выспался нормально.

— Надо было предложить лечь с тобой.

— Набис не понял бы.

— Набис вообще много чего не понимает, — сказала она. — Откуда он, кстати? Ты спрашивал?

— Говорили. Не сказал. — Аким помолчал. — Может, действительно от кого-то бегают.

— Или от чего-то. — Карина пожала плечами. — Ладно, не цепляйся к нему. У тебя наконец есть живой сосед — радуйся. Скучно не будет.

— Если выдержит мои порядки.

— Аким.

— Я хотел тебя туда заселить, между прочим.

Она посмотрела на него. Он смотрел в стену.

В дверях появился Набис — красное бархатное полотенце на бедрах, волосы мокрые. Увидел картину: Аким на кровати, Карина рядом, его рука каким-то образом лежит у неё на ноге.

— Я уже ухожу, — сказала Карина, спрыгнула с кровати и прошла мимо него в коридор.

Аким встал, кивнул:

— Спасибо, что пустил лечь.

— Неэтично — девушке спать с парнем, — сказал Набис, глядя ему в глаза. — Она точно сестра?

— Хочешь справку с датой рождения и фамилией?

Аким задел его плечом и зашёл в ванную. Дверь закрылась.

Карина быстро выпила кофе, переоделась, натянула джинсы, провела тушью по ресницам. Поцеловала брата в щёку — он уже стоял у зеркала с полотенцем на шее.

В коридоре столкнулась с Набисом: тот шнуровал кроссовки, рюкзак уже на плече.

Они вышли вместе.

Квартирная дверь открылась поздно ночью.

Набис переступил порог и, не включая свет, наклонился снять кроссовки. Мышцы гудели после тренировки, синяк под глазом неприятно пульсировал.

Из комнаты Акима донёлся голос:

— Да, вернулся. Где ты шлся?

Набис замер.

Пальцы остановились на шнурках.

— Ты что, моя мама? Мне еще отчитываться перед тобой?

В голосе Акима слышалось раздражение. Настоящее, живое. Такое, какого Набис никогда не слышал в разговорах с собой.

За дверью повисла короткая пауза.

Скрипнул стул.

— Да мне всё равно, — буркнул Аким. — Просто Карина спрашивала. По-моему, ты ее заинтересовал.

Шнурок выскользнул из пальцев.

Набис медленно выпрямился.

Один кроссовок остался стоять боком. Второй смотрел носом в стену.

Обычно он бы сразу поправил.

Сейчас — нет.

За дверью Аким что-то ответил уже тише.

Набис не разобрал слов.

Только имя.

Карина.

Он тихо закрыл входную дверь.

Щелчок замка показался слишком громким.

Несколько секунд Набис просто стоял в тёмной прихожей, прислонившись к холодной стене.

За перегородкой продолжался чужой разговор.

Обычный.

Ничего не значащий.

Но почему-то именно сейчас он чувствовал себя лишним человеком в этой квартире.

Набис сидел на краю кровати, стянув футболку.

После тренировки спина горела огнем.

Он как раз пытался дотянуться до особенно болезненного места между лопатками, когда в дверь постучали.

— Живой? — раздался голос Акима.

— Пока да.

Дверь приоткрылась.

Аким заглянул внутрь и сразу заметил тюбик мази на тумбочке.

— Серьёзно? Опять перестарался?

— Немного.

— Немного, — фыркнул Аким. — У тебя под глазом синяк размером с район города.

Он подошёл ближе и взял тюбик.

— Давай сюда.

— Сам справлюсь.

— Да вижу я, как справляешься.

Набис нехотя протянул мазь.

Аким выдавил немного на ладонь.

— Наклонись.

— Командовать любишь.

— Терпеть не могу жалобы. Так что молчи.

Холодная мазь коснулась кожи.

Набис невольно вздрогнул.

— Ай.

— Нежный какой.

— Попробуй сам после такой тренировки.

— Я после таких тренировок не выгляжу как человек, которого переехал грузовик.

Несколько секунд в комнате стояла тишина.

Только скрип кровати и негромкий шум машин за окном.

Аким аккуратно размазал мазь вдоль напряженных мышц.

— Здесь болит?

— Немного.

— А здесь?

— Сильнее.

— Понятно.

Он работал неожиданно осторожно.

Без шуток.

Без подколов.

Просто помогал.

Набис смотрел в стену перед собой.

— Спасибо.

Аким пожал плечами.

— Не привыкай.

— Уже поздно.

На этот раз Аким ничего не ответил.

Только закрутил крышку тюбика и поставил его обратно на тумбочку.

— Завтра легче будет.

— Надеюсь.

— Будет. Я в этом разбираюсь.

Он направился к двери, но перед выходом обернулся.

— И лёд приложи к синяку.

— Да, мам.

— Иди к чёрту.

Набис усмехнулся впервые за весь вечер.

Глава 6 Молитва тело

Утро было тихим. Тем особенным, обманчивым спокойствием, которое бывает только в выходные, когда никто никуда не спешит.

Аким уже ушёл на работу. Хлопнула дверь, щелкнул замок — и квартира выдохнула.

Набис остался один.

Он стоял у окна в своей комнате. Свет падал на пыльный линолеум узкой полосой. В этой полосе он чувствовал себя в безопасности.

Тело помнило вчерашнее татами. Мышцы были приятной, честной болью. Но сейчас ему нужно было другое. Не сила. Не контроль.

Ему нужно было *вспомнить*.

Он медленно поднялся на цыпочки.

Не резко. Не показательно. Просто позволил стопам принять ту позицию, которая была для них естественнее, чем стоять на полной ступне. Колени мягко пружинили. Спина выпрямилась сама собой, плечи опустились, шея вытянулась.

Руки поднялись — не до конца, лишь намёком на позицию. Пальцы сложились так, как их учили двадцать лет назад: большой палец прижат к среднему, остальные дышат.

Он сделал полшага в сторону. Бесшумно. Как будто гравитация для него была лишь рекомендацией, а не законом.

В этом движении не было ничего от того Набиса, который жарил картошку, дрался из-за мусора или боролся с Акимом на татами.

Это был кто-то другой. Тот, кого он оставил в залах с высокими потолками. Тот, кого он боялся и берёг одновременно.

Карина замерла в дверном проеме.

Она пришла за зарядкой для телефона. Увидела его через полуоткрытую дверь — и забыла, зачем пришла.

Она ожидала чего угодно. Что он спит. Что он одевается. Что он смотрит в стену с тем же тяжелым взглядом, что и вчера в раздевалке.

Но она не ожидала *этого*.

В утреннем свете, в старой футболке и спортивных штанах, он выглядел... невесомым.

Движение было таким чистым, таким лишним в этой квартире с тонкими стенами и скрипучим полом, что у Карины перехватило дыхание. Это была не демонстрация. Он не знал, что она здесь. Это была молитва тела. Секунда, когда маска упала не потому, что её сорвали, а потому, что тело больше не могло лгать.

Она не шелохнулась. Боялась спугнуть.

Боялась, что если издаст хоть звук, этот человек исчезнет, и снова останется только сосед по квартире, который слишком хорошо умеет держать удар.

Набис опустил руки. Медленно. Стопа коснулась пола всей поверхностью. Плечи чуть сутулились — возвращение в реальность.

И только тогда он почувствовал взгляд.

Обернулся. Резко. Слишком резко.

В глазах — мгновенный испуг. Не стыд. Именно *испуг*. Как у человека, которого застали за чем-то запретным. За чем-то, что принадлежит только ему.

Карина не отвела взгляд. Не улыбнулась. Не пошутила.

Просто тихо сказала:

— Красиво.

Слово повисло в воздухе. Простое. Опасное.

Набис молчал. Его грудь вздымалась чаще, чем после самого тяжёлого спарринга. Он ждал насмешки. Ждал вопроса «ты что, артист?». Ждал, что она начнёт копать, как копал Аким.

Но Карина просто стояла. И в её взгляде не было любопытства. Было *признание*.

— Спасибо, — выдохнул он. Голос сорвался.

И это «спасибо» было не за комплимент.

А за то, что она не спросила *«почему ты это скрываешь?»*.

За то, что увидела — и не попыталась присвоить.

Карина кивнула. Развернулась и тихо ушла на кухню.

Не взяла зарядку.

Оставила ему эту минуту. Эту тайну. Этот воздух, в котором еще дрожало эхо движения.

Глава 7. Карина

Когда они оказались на кухне, тишина между ними была не неловкой, а *наполненной*. Карина сидела на балконе, обхватив руками кружку с остывшим чаем, но когда Набис вышел, она повернула голову. В глазах не было любопытства. Было *приглашение*.

— Значит, ты не только тхэквондо увлекаешься, но и балетным искусством? — спросила она. Не кокетливо. Не с вызовом. Просто уточняя.

Набис замер у раковины. Не обернулся сразу. Вытер руки полотенцем — медленно, будто выигрывая время. Потом прислонился спиной к столешнице, скрестив руки на груди. В этом жесте не было защиты. Только усталость от необходимости снова объяснять то, что он привык держать при себе.

— Я ходил в балетную студию до двенадцати лет, — сказал он тихо. Голос был ровным, но в нём слышалась та самая хрипотца, которая появляется, когда говоришь о вещах, которые давно не произносил вслух. — Сам платил за курсы. Копил карманные деньги. Моим... не понравилось. Сказали, это не мужское дело. Что я позорю семью.

Он помолчал. Взгляд ушёл куда-то в сторону, мимо Карины, мимо кухни — туда, где остались залы с высокими потолками и запах канифоли.

— Отдали в спорт. Решили, что так будет правильнее. Так я оказался в тхэквондо.

Карина не перебивала. Не жалела. Не задавала вопросов вроде «а почему ты им позволил?» или «тебе было больно?». Она просто слушала. И в этом молчании было больше принятия, чем в любых словах поддержки.

Набис наконец посмотрел на неё. В глазах не было ни стыда, ни вызова. Только тихая, выстраданная правда.

— Но танцевать не разучился, — добавил он, и уголок его губ дрогнули в едва заметной улыбке. — Иногда память тела возвращается. Особенно когда перестаёшь пытаться её заглушить.

Карина кивнула.

— Это хорошо, — сказала она. Не «жаль, что бросил». Не «надо было настоять». Просто: *это хорошо*. Что память жива. Что тело помнит. Что он всё ещё *там*, внутри себя, несмотря ни на что.

Набис помолчал секунду, глядя на Карину. Утренний свет из окна падал на её лицо, и в этом свете она казалась старше, чем была, и одновременно — удивительно живой. Не гостьей. Не свидетельницей. *Человеком*, который только что увидел его настоящего и не отвернулся.

— Если хочешь, покажу тебе, как двигаться, — сказал он тихо. — От мастер-класса. Научу тебя.

Карина не ответила сразу. Посмотрела на него — долго, прямо, без улыбки. Как будто взвешивала не слова, а то, что стояло за ними.

— Меня? — переспросила она, и в голосе прозвучала тёплая, живая ирония. — Нет, ты что? Какая из меня балерина?

Набис не улыбнулся в ответ. Ждал.

Карина шагнула с балкона в кухню. Остановилась в двух шагах от него. Не слишком близко. Не слишком далеко.

— Я предпочитаю современные танцы, — сказала она. И добавила тише, почти одними губами: — Там можно быть собой. Без позиций. Без правил. Просто... *двигаться*.

Набис посмотрел на неё. Долго. В его взгляде не было оценки. Не было сравнения с тем, чему учили *его*. Было *признание*.

— Современные... — повторил он, как будто пробовал слово на вкус. — Значит, не балет.

— Не балет, — кивнула Карина. — Но *танец*.

И в этом слове было больше принятия, чем в любом комплименте. Она не отвергла его предложение. Она *пережила* его на свой лад. Сказала: *«Твой мир мне чужд. Но твоё желание поделиться — нет. Давай найдём язык, который подойдёт нам обоим».*

Набис выдохнул. Плечи опустились.

— Хорошо, — сказал он. — Современные.

И впервые за долгое время это «хорошо» не было уступкой. Было *согласием*.

Он помолчал ещё мгновение. Утренний свет сменился ровным дневным, но на кухне стало теплее. Не от чая. Не от солнца. От того, что кто-то увидел его настоящего — и не отвернулся.

— Пойдём на улицу, — сказал он тихо. Голос был ровным, но в нём не было прежней отстранённости. — Подышим свежим воздухом.

Карина не ответила сразу. Посмотрела на него — долго, прямо.

— Это свидание? — спросила она. Не кокетливо. Не с вызовом. Просто *уточняя*. Как будто ей важно было назвать вещь своим именем, прежде чем согласиться.

Набис не отвёл взгляд. Не смягчил формулировку. Не ушёл в иронию.

— Да, — сказал он.

Одно слово. Без оговорок. Без «ну, если хочешь так это называть». Просто *да*.

Карина выдохнула. Уголки губ дрогнули — не в улыбке, а в чём-то более тёплом, более настоящем. Она кивнула, принимая этот ответ как дар.

— Тогда я надену пайту, — сказала она. И в голосе прозвучала та самая живая, дерзкая нотка, которая была только её. — Балетная пачка на мне будет смотреться странно. А современные танцы требуют удобной одежды.

Набис едва заметно улыбнулся. Не потому, что она пошутила. А потому, что она *осталась собой*. Не стала подстраиваться под его прошлое. Не стала играть роль. Просто сказала: *«Я иду с тобой. Но я иду как Карина».*

— Хорошо, — сказал он. — Пайта.

Он не просил её измениться. Он принимал её такой, какая она есть — в пайте, с современными танцами, с правом быть собой.

Карина развернулась и пошла к своей комнате. Шаги были лёгкими, свободными. Не балетными. *Ее собственными.*

Набис остался на кухне. Смотрел ей вслед.

И впервые за долгое время почувствовал: ему не нужно прятаться, чтобы быть увиденным.

Достаточно просто *быть*.

Свидание с Набисом оказалось невероятным. То, что случилось в тот вечер, невозможно описать словами — язык слишком груб для такой хрупкой материи.

Сначала они просто гуляли. Город жил своей обычной жизнью: шумели машины, спешили люди, мигали витрины. Но когда они проходили мимо небольшой площади, уличный музыкант — парень в потертой куртке со скрипкой — вдруг заиграл знакомую мелодию Ина-ури.

Живую. Неидеальную. Настоящую.

Звук скрипки дрожал в вечернем воздухе, переплетаясь с городским шумом, и от этого становился ещё более интимным, ещё более *их*.

Набис не просто услышал ритм. Он *узнал* его.

Вдруг остановился. Поднялся на цыпочки — легко, естественно, как будто асфальт под ногами стал паркетом сцены. И повторил то самое пластическое движение, которое Карина видела утром в комнате. Только сейчас оно было не молитвой одиночества, а *ответом* на музыку, которая жила в нем дольше, чем он позволял себе помнить. Ответом не залу с высокими потолками, а этому случаю, этому моменту, этой девушке рядом.

Он протянул ей руку.

Карина ответила не раздумывая. Не потому, что так надо. А потому, что ее рука сама знала, куда ей нужно.

Он поднял её. Крепко. Уверенно. И закружил.

Мир вокруг них замер. Взгляды прохожих скользнули по ним и исчезли. Время остановилось, рассыпавшись на тысячи бликов от фонарей и витрин. Больше не было улицы, не было правил, не было прошлого, которое он прятал, и настоящего, которое Карина пыталась понять.

Был только он. Его дыхание. Тепло его ладони на её талии. И эта живая, дрожащая мелодия Инаури, которая текла сквозь них, связывая воедино балетную строгость его тела и живую, современную свободу её. Музыкант играл *для них* — или им казалось, что для них.

Казалось, они оказались в параллельном мире. В пространстве, где всё вокруг — волшебство. Где два человека могут быть просто двумя людьми, танцующими под случайную уличную скрипку, и этого достаточно, чтобы вселенная перестала быть враждебной.

Когда музыка стихла, он опустил её. Медленно. Бережно.

Но руки их ещё секунду оставались вместе. Не разъединялись.

Музыкант кивнул им, улыбаясь, и заиграл что-то другое. Но для них та мелодия ещё звучала в тишине между вдохами.

И в этой тишине после танца было больше слов, чем во всех признаниях мира.

— Ты... — начала Карина, но голос сорвался.

Набис посмотрел на неё. В его глазах больше не было маски. Не было расчёта. Не было тени залов с высокими потолками.

Был только свет. Тот самый, который он боялся показать, но который сейчас горел прямо здесь, на этой обычной улице, под аккомпанемент случайного скрипача, для неё одной.

— Ты тоже, — тихо сказал он.

И Карина поняла: это не конец свидания.

Это начало чего-то, чему нет названия.

Чего-то, что важнее любых слов.

Карина спала, свернувшись клубочком посередине кровати.

Ноутбук давно погас. Экран почернел, оставив комнату в мягком свете настольной лампы из коридора. За окном редкие машины рассекали ночную тишину, и их фары на мгновение скользили по потолку, словно маяки.

Набис осторожно вернулся из ванной, вытирая влажные руки полотенцем.

Карина даже не пошевелилась.

Он улыбнулся краем губ и аккуратно поправил сбившееся одеяло на ее плече.

— Заснула, — тихо сказал он.

— Вижу, — ответил Аким.

Они говорили шёпотом, будто находились в библиотеке или в храме, где любое громкое слово могло разрушить хрупкое равновесие.

Несколько секунд оба просто смотрели на Карину.

Во сне она выглядела младше. Без своей бесконечной энергии, без шуток и вопросов. Просто живое тепло, которое чувствует себя в безопасности. И эта безопасность была создана ими обоими.

Аким осторожно поднялся.

— Я пойду к себе.

Набис поднял взгляд.

— Не хочешь её разбудить?

— Зачем?

Он пожал плечами. Движение было легким, лишенным прежней скованности.

— Пусть спит.

Набис кивнул.

Аким уже подошёл к двери, когда услышал за спиной:

— Спасибо.

Он остановился. Не обернулся сразу.

— За что?

Набис задумался.

За фильм. За шампунь. За тренировку. За чай по утрам. За то, что не задаёт лишних вопросов. За то, что остаётся рядом, даже когда молчание становится тяжелее слов.

Но ничего этого он не сказал. Слова были бы слишком грубыми для этой минуты.

— Просто так.

Аким тихо усмехнулся. В этом звуке не было иронии. Только признание.

— Станный ты.

— Сам знаю.

— Спокойной ночи, Набис.

— Спокойной ночи.

Дверь закрылась почти бесшумно. Щелчок замка прозвучал как точка в длинном предложении, которое они писали вдвоём весь этот вечер.

Комната снова погрузилась в тишину. Но это была уже другая тишина — не пустая, а наполненная.

Набис сел на край кровати.

Карина во сне что-то пробормотала и неожиданно придвинулась ближе, положив ладонь ему на руку.

Он посмотрел на её пальцы.

Тёплые. Настоящие. Живые.

В груди разлилось спокойствие. Но вместе с ним пришло другое чувство — острое, как осколок стекла.

Набис поднял глаза на закрытую дверь комнаты Акима.

И вдруг поймал себя на том, что прислушивается.

Словно надеялся услышать шаги. Словно ждал, что дверь снова откроется и тот вернётся — не потому, что забыл что-то, а потому, что *не может* оставить эту тишину незавершённой.

Она не открылась.

За стеной скрипнула кровать. Потом наступила абсолютная, звенящая тишина.

Набис медленно лёг рядом с Кариной, стараясь не потревожить её сон, и закрыл глаза.

Но ещё долго не мог уснуть.

Потому что впервые за очень долгое время его сердце оказалось разделено между двумя людьми.

И ни одно из этих чувств не было ложью.

Карина проснулась.

Постель рядом была пуста. Простыня ещё хранила тепло его тела, но самого Набиса не было.

Первая мысль кольнула короткой, острой вспышкой: *Неужели я спала с ним?*

Не как соседка. Не как гостя. А как женщина, которая позволила себе быть увиденной, услышанной, *принятой*.

Она опустила ноги на пол. Деревянные половицы были прохладными, но эта прохлада не отрезвляла — наоборот, заземляла, возвращала в тело, которое помнило каждую секунду ночи.

На кухне было оживленно.

Свет из окна падал на стол, выхватывая крошки хлеба, пар над сковородой и две фигуры у плиты.

Дверной проем открылся перед ней, как рама картины.

Два парня в нижнем белье стояли плечом к плечу. Аким — в тёмных боксерах, с привычной сосредоточенностью, но без прежней скованности. Набис — в чёрном хлопковом белье, с влажными после душа волосами,двигающийся так, будто эта кухня всегда была его сценой.

Они готовили завтрак.

И разговаривали.

Не перекрикивая. Не споря. А *оживленно*, перебивая друг друга, смеясь над чем-то, что осталось за кадром их диалога. Как будто были давними друзьями, которые знают все шутки друг друга наизусть.

Аким помешивал яичницу. Набис резал хлеб. Их движения были синхронными, лишёнными той напряженной дистанции, которая ещё вчера разделяла их тонкой стеной. Правила не исчезли — они просто стали *общими*, живыми, дышащими вместе с ними.

Карина остановилась в дверях. Не вошла сразу. Просто смотрела.

В этом моменте не было ничего от драмы, от тайн, от «залов с высокими потолками». Была только жизнь. Настоящая. Тёплая. *Их*.

— Доброе утро вам, мальчики, — сказала она тихо, но так, чтобы голос долетел до обоих.

Они повернулись одновременно.

Не резко. Не виновато. Просто — *естественно*.

Аким улыбнулся уголком губ — той самой улыбкой, которую он берёт для моментов, когда маска больше не нужна.

Набис посмотрел на неё — и в его взгляде не было ни утренней неловкости, ни скрытого вопроса «что теперь?». Было только тепло. То самое, которое она чувствовала ночью под ладонью на его груди.

— Утро, — ответил Аким, не отводя глаз.

— Кофе будешь? — добавил Набис, и в его голосе звучала та же интонация, что и ночью, когда он шептал «ты тоже».

Карина шагнула внутрь.

И в этот момент поняла: ей не нужно выбирать.

Ей не нужно объяснять.

Она просто *здесь*.

В этом свете. В этом запахе жареного хлеба. В этой тишине, которая больше не разделяет, а связывает.

— Буду, — сказала она. И села за стол, как будто всегда здесь сидела.

Аким натянул футболку и шорты одним привычным движением. Набис оделся так же: чёрные шорты, простая майка. Никакой показной элегантности, никаких «залов с высокими потолками». Только удобство. Только дом.

Карина вышла из ванной, вытирая лицо своим полотенцем — тем самым, которое Аким молча повесил для неё вчера вечером. Вода еще блестела на ресницах, кожа розовела от прохлады. Она выглядела живой, настоящей и совершенно не готовой к тому, что её ждёт.

Набис тем временем поправлял постель. Не демонстративно. Не потому, что «так надо». Просто руки сами расправили простыню и взбили подушку. Жест человека, который заботится о пространстве, потому что чувствует себя его частью.

Карина шагнула в комнату, ещё не успев привыкнуть к свету.

И тут же получила звонкий, игривый шлепок по заднице от Акима.

Она ойкнула, но не отшатнулась. Глаза округлились больше от неожиданности, чем от возмущения.

А через секунду Набис, проходя мимо с абсолютно серьёзным лицом, повторил тот же жест. Так же легко. Так же естественно. Как будто это был обязательный пункт утреннего ритуала, вроде чистки зубов.

— Эй! — Карина схватилась за ушибленное место, пытаясь сохранить достоинство, но уголки губ предательски дрожали. — Вы совсем оборзели? Прекратите меня шлёпать, я съеду от вас!

Угроза повисла в воздухе — и тут же рассыпалась, потому что никто не поверил в неё. Даже она сама. Это звучало не как ультиматум, а как часть игры, правила которой все трое знали наизусть.

Аким посмотрел на Набиса. В его взгляде не было вопроса. Было *знание*.

— Мы тебя не отпустим, — сказал он с той самой интонацией, которой обычно сообщал о необходимости вынести мусор. Спокойно. Безапелляционно. Как о факте гравитации. — Правда, Набис?

Набис остановился у кровати. Посмотрел на Карину — на её мокрые ресницы, на розовые щеки, на ту живую, дерзкую энергию, которая наполняла эту комнату лучше любого света.

В его глазах не было иронии. Не было игры.

Было только тихое, абсолютное признание. И капля того самого юмора, который раньше он прятал за маской вежливого гостя.

— Да, — сказал он. — Точно. Куда ты денешься? Ты уже даже полотенце своё здесь оставила. Это юридически обязывает.

Карина фыркнула. Возмущение растворилось окончательно, уступая место смеху — теплоте, настоящему, без остатков прежней неловкости.

Она не ответила. Просто подошла к столу, села и положила ладонь на руку Набиса — ту самую, которой он только что поправил постель.

Аким сел рядом. Не слишком близко. Не слишком далеко. Но достаточно, чтобы их плечи почти касались.

Они сели завтракать вместе. Стол на кухне был маленьким, рассчитанным максимум на двоих, поэтому уместиться втроем удалось только чудом геометрии и доброй воли. Карина заняла место посередине, парни расположились друг напротив друга. Колени почти соприкасались под столешницей, воздух пах кофе, жареным хлебом и той самой новой, хрупкой близостью, которая ещё не успела стать привычной.

Набис вытянул ноги под столом — не нарочито, просто потому, что иначе было невозможно сидеть в этой тесноте. И тут же задел чьи-то ступни.

— Набис, убери свои длинные ноги, — сказал Аким, не отрываясь от тарелки. Голос был спокойным, даже ленивым, но в нём звучала та самая интонация, которой он обычно обозначал границы. Не злость. Просто факт: *здесь есть правила, даже если они теперь мягче*.

Набис усмехнулся, но ноги не убрал. Только чуть сместил их — не отстраняясь, а перестраиваясь.

И в этот момент его рука скользнула под столешницу.

Не искала. Не игнорировала. Просто *нашла*.

Его пальцы коснулись её ладони — и вместо того чтобы убрать руку, Карина ответила. Её пальцы скользнули между его, переплелись, сомкнулись. Крепко. Уверенно. Без колебаний.

Теперь под столом они были *сцеплены*. Не просто касались — *держали* друг друга. Как будто их руки знали этот жест задолго до того, как сознание позволило себе его совершить.

Над столом всё оставалось прежним: Карина спокойно пила кофе, смотрела на Акима с абсолютно невинным выражением лица, поддерживала разговор о погоде и тренировках. Но под столом её пальцы сжимали его руку — ритмично, тихо, *живо*. Каждый раз, когда Аким делал паузу в речи, её большой палец гладил его костяшки. Каждый раз, когда Набис отвечал на вопрос, её ладонь чуть сильнее прижималась к его.

Набис замер на мгновение. Внешне он остался прежним: ел, кивал, шутил. Но под столом его мышцы напряглись — не от дискомфорта, а от того, что тело внезапно оказалось *принятым* там, где глаза не могли видеть. Это было не тайное прикосновение. Это было *признание*, выраженное языком кожи.

Аким продолжал есть. Не смотрел под стол. Не делал замечаний.

Но его взгляд на секунду задержался на лице Карины — слишком спокойном, слишком сосредоточенном на чём-то, чего не было на поверхности. Он знал. Не мог не знать. Эта кухня была слишком мала для секретов, а эта близость — слишком нова, чтобы оставаться невидимой.

Он просто промолчал.

Не потому, что не заметил.

А потому, что *позволил*.

Карина не убирала руку. Набис не разжимал пальцев.

Завтрак продолжился. Разговор тек ровно. Но под столом, в пространстве, которое принадлежало только им двоим, уже ничего не было прежним.

Они больше не касались друг друга украдкой.

Они *держались*.

Мой шкаф, который когда-то хранил безупречный, почти стерильный порядок, теперь наполовину принадлежал ей.

Я стоял у открытой створки и смотрел, как ее яркие футболки и легкие платья теснятся между моими сглаженными рубашками. Это должно было меня раздражать. Должно было напоминать о вторжении, о нарушении границ, о хаосе, который я так тщательно вычищал из своей жизни с первого дня в этой квартире.

Но всё, что я чувствовал, было похоже на тепло, разливающееся в груди после глотка горячего чая.

Неделя? Два дня? Месяц? Я пытался вспомнить, сколько времени прошло с того утра за кухонным столом, когда наши пальцы переплелись под столешницей. Время потеряло смысл. Плотина, которую я строил годами, рухнула не с грохотом, а с тихим, неизбежным щелчком. Мы просто не смогли продержаться. Ни неделю, ни два дня. Гравитация между нами оказалась сильнее любых правил.

Аким не удивился.

Я до сих пор помню тот момент, когда мы вытаскивали ее чемоданы в прихожую. Я был напряжен, как струна, готовый к вопросу, к упреку, к тому самому «главное, чтобы никто не догадался». Но Аким просто взял у неё тяжёлую сумку, кивнул и сказал: «Ванная теперь по расписанию, но для тебя сделаю исключение». В его глазах не было ни тени ревности. Было только спокойствие. И, если вчитаться, даже облегчение. Он был рад за нас. Рад, что мне больше не нужно выбирать, и рад, что ему больше не нужно прятаться.

Маркус, этот вечно суетливый хозяин квартиры, даже не стал ворчать из-за лишнего человека. Мы просто начали скидываться на аренду втроем. Эта бытовая, приземленная деталь сделала нашу связь не просто эмоцией или тайной интригой, а фактом. Мы платили за это пространство вместе. Мы строили его вместе.

Сегодня мы устроили себе импровизированный кинозал.

Купленный плазменный телевизор мерцал на прикроватной тумбочке, отбрасывая на потолок синеватые, дрожащие блики. Матрас прогнулся под весом троих, и это было самое естественное чувство в мире. Карина прижалась ко мне боком, её голова лежала у меня на плече, а рука лениво перебирала пуговицы на моей домашней футболке. Её дыхание было ровным, тёплым, обжигающим кожу через тонкую ткань.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.